

Маргарита Сосницкая

Лев и Меч

12+

Маргарита Сосницкая

**Лев и меч, или Блеск и нищета
российского гарибальдийца**

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Сосницкая М. С.

Лев и меч, или Блеск и нищета российского гарибальдийца /
М. С. Сосницкая — «ЛитРес: Самиздат», 2008

В 2017 году Итальянская республика отмечала двести десять лет со дня рождения героя двух миров Джузеппе Гарибальди. На полуострове нет городка, где бы его именем ни была названа улица, площадь, набережная. В составе его «Тысячи», а точнее, 1086 краснорубашечников сражалось 35 иностранцев. Одним из них был гарибальдиец из России Лев Ильич Мечников (1838-1888).

© Сосницкая М. С., 2008

© ЛитРес: Самиздат, 2008

Содержание

Предисловие	7
Глава I	8
Глава II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лев и Меч
или
Блеск и нищета российского гарибальдийца
(документальная повесть)

Иллюстрации из блокнота Л. И. Мечникова.

Л. И. Мечников. ГАРФ 6753-1-95-2

Предисловие

В 2017 году Итальянская республика отмечала двести десять лет героя двух миров Джузеппе Гарибальди. На полуострове не существует городка, где бы его именем не была названа улица, площадь, набережная. В составе его «Тысячи», а точнее, 1086 краснорубашечников сражалось 35 иностранцев. Одним из них был гарибальдиец из Российской империи Лев Ильич Мечников (1838–1888).

Судьба этого потомка Николая Спотаря Милешту гораздо ярче судьбы его намного более знаменитого брата Ильи, Нобелевского лауреата по медицине (1908 г.) Он был и многосторонне одаренным человеком: мастером изящной словесности, недурным рисовальщиком, незаурядным полиглотом; помимо ряда европейских языков, владел японским; был неутомимым путешественником и бесстрашным лейтенантом гарибальдийской «Тысячи», наконец, просветителем и крупным ученым, оставившим после себя труды, равные по объему почти двум романам «Война и мир», рассыпанные по страницам разных журналов своего времени, по архивам разных стран. Некоторые из сохранившихся рукописей, написанные с одинаковой лёгкостью как на русском, так и на французском языках, до сих пор не прочитаны. Сам же Мечников жаловался, что удаётся опубликовать только треть работ.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона ему посвящена довольно обширная статья, а забвению он был предан после революции 1917 года, за приближение которой он так радел, и не столько предан забвению лично, сколько наука геополитика, объявленная вне закона вместе с кибернетикой и наследием Достоевского.

Заодно со Львом Мечниковым в СССР не существовала вся могучая русская школа геополитики XX века, начиная с А. Е. Вандама (Едрихина), П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого и заканчивая Л. Н. Гумилёвым, получившим известность только под конец жизни. А ведь XIX век подвел под эту науку в России добротный фундамент, над которым потрудились Н. Я. Данилевский, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, Д. И. Менделеев и еще добрая плеяда титанических личностей, мореходов, путешественников, в число которых входит и Лев Мечников. Сегодня его не забывает упомянуть ни один учебник по геополитике, называя не иначе, как «родоначальником русской школы политической географии». А о своей гарибальдийской эпопее он поведал в «Записках», опубликованных в газете достославного Михаила Каткова «Русский вестник» в 1861 году.

Судьба свела Льва Ильича со многими историческими деятелями России и Европы, а жизнь порой напоминает романы «Овод» Этель Лилиан Войнич, «Дым» И. С. Тургенева или «Три мушкетера» Дюма-отца, с которым он был знаком.

Глава I

Белый всадник

«Вам не видать таких сражений!..»

(М. Ю. Лермонтов)

Когда-то поля здесь были ухожены, посев сменялся урожаем, а дом возвышался среди полей, точно их заботливый хозяин. Теперь дом был брошен, стены его потемнели и поросли травой, окна напоминали пустые глазницы черепа.

Пушечный снаряд ударил в одно из окон, сорвал полкрыши; из пробоины вырвался красный язык пламени, попробовал лес и поле, вошел во вкус. Часть дома устояла, и черти в красных рубахах, толкаясь и суетясь, начали кое-как перетаскивать туда раненых. Несчастные жутко кричали, стонали, сквернословили, впрочем, это были счастливики: кто-то уже валялся, подобно сваренному карасю – сделал свое дело солнечный удар. Их командир, толстый капитан, бодрился насколько то позволяли избыточные телеса и пытался, как мог, поднять дух своих бойцов.

– А ну-ка шевелись, порко дьяволо (свинорылый дьявол)!... Да не тащи ты этого беднягу! Его все равно уже черти в аду встречают!!...

Из порохового тумана со стороны Капуи вылетел всадник в развевающемся белом плаще. Чуть ли не на ходу соскочив с коня, он зашагал к капитану, прихрамывая на одну ногу и вытирая лоб краем своего плаща.

«Принесла нелегкая!» – чертыхнулся в сердцах капитан, но громко прокричал в ответ на приветствие штабного:

– Здравия желаю! – и тут же жадно спросил – Что там, в Сант Анджело?

– Чертовщина какая-то! – выругался поручик на чистейшем итальянском. – Наш артиллерист, болван, уронил искру на пороховые запасы, и так шарахнуло по своим, что одному оторвало ногу, другому руку, а бурбонцы, – хрена им в печенки! – решили, что начался обстрел и открыли ответный огонь!

– И это впридачу к жаре! – ахнул капитан, промокая платком вспотевший лоб. – Градусов тридцать, не меньше. Скоро от жары сами возгораться начнем.

– Здесь у вас еще цветочки! Вздохнуть можно, птички расщебетались. А на батарее за пулями собственного голоса не слышно!

– Да, *dulce e decorum pro patria mori*¹, – капитан спрятал в карман мокрый платок. – А сигары часом у вас не найдется?

– Отчего ж? – с готовностью ответил поручик, доставая портсигар.

При виде отборных тосканских капитан не удержался, расплылся в улыбке, предвкушая особое, одним заядлым курильщикам известное удовольствие: «У нас в Генуе таких нет», – но вдруг улыбка на его лице сменилась гримасой изумления: пуля поцеловала его между глаз, не оставив пяти минут на последнее желание смертника – покурить. Капитан тяжело обвалился на землю. Поручик бросился к нему, стал трясти за плечи, да опустил на траву, стащил с головы треуголку.

А пули свистели все ближе, сливались в сплошной гул. Не было числа потерям в рядах и гарибальдийцев, и бурбонцев, но подкрепления поступали только в ряды последних. Атака шла девятым валом. Королевские войска выбили засевших в полевом лазарете гарибальдийцев и подожгли его с четырех сторон. Из огня раздавались нечеловеческие крики. Поручик вскочил

¹ Да, сладко и красиво умереть за отечество (лат.)

на коня и помчался по направлению к Капуе, не думая о том, что его плащ представляет собой легкую мишень. По пути ему попадались местные мародеры, которые обшаривали убитых, а раненых добивали стилетом.

Ни на что, кроме своей ярости, гарибальдийцам рассчитывать не приходилось. В самых опасных точках появлялся рядовой Карлуччо, известный тем, что его обходили пули. Он шел им навстречу невозмутимо, будто это не кровопролитие, а променада на набережной, и воодушевлял примером батальоны гарибальдийцев. Им на помощь спешил эскадрон Красных Дьяволов (*Diavoli Rossi*), конных егерей из Палермо, и английский конный отряд генерала Данна, но все они – увы – придут к шапочному разбору. А пока роты тосканца Меланкини рубились налево и направо, как триста спартанцев. На смену им подоспел сицилийский батальон Томази, и снова:

*«В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала».*

И люди в красных рубахах дрогнули, побежали под натиском королевских драгунов – сущих драконов, от которых и пошло их название.

*«...Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи».*

А их в этом сражении 1 октября 1860 года было до сорока тысяч. В сражении, ставшем роковым и для Карлуччо – осколок снаряда попал ему в грудь. Но он еще услышал, как по рядам отступавших прокатилось: «Гариба-а-альди! Гарибальди!» Герой двух миров появился, как бог из машины, чем и воодушевил солдат на новый порыв.

– *Alla baionetta! Viva l'Italia!*²

И все, кто еще держался на ногах, выбежали из батареи, несмотря ни на град пуль, ни на ядра, свиставшие и рассекавшие воздух по всем направлениям». Один Гарибальди оставался, «как заколдованный, спокоен и невредим среди всеобщего оживления».

² В штыки, за Италию (ит.)

ГАРФ-6753-1-21-20

Всадник в белом плаще смотрел на «любимого вождя» восторженными глазами, как смотрят на Юпитера или на бога Марса, дарующему победу на поле брани. Он еще успел пожалеть, что при нем нет его верного блокнота, не то он тотчас набросал бы портрет этой живой легенды и истории. В следующий момент сноп искр ослепил белого всадника, чудовищный

удар в подреберье сбросил его с седла, песок обжег, засыпал глаза; Юпитер, Марс, все поле и небо скрылись, пропали в кромешной непроглядной тьме.

Глава II

Неведомый избранник

*“Лежа в тряской таратайке в каком-то
лихорадочном полусне, я видел чудные образы,
которых однако же не буду предавать читателю,
так как фантазия моя носилась очень далеко
от совершавшихся тогда событий и от той
жизни, которую я жил в то время.”*
(Л. И. Мечников)

По дороге, пролегающей между нивой и лесом, катилась легкая коляска с возницей на козлах. Если бы тогда, в первой половине XIX века, можно было взглянуть на землю с воздушного шара, то она представилась бы как сшитое из лоскутов одеяло: серые, самые большие лоскуты – степи, темно-зеленые – это лес, к ним прилегают аккуратные, солнечно-желтые лоскуты – пашни, снова степь да степь и вдруг атласные сине-голубые ленты, лоскутки прудов, озер, речек. А над ними крестиками парят в воздухе птицы. За их полетом следят из коляски пара пытливых мальчишеских глаз. Мальчик, точнее, уже не мальчик, но и не муж, – отрок, подросток-малолетка вытаскивает из саквояжа бумагу и несколькими взмахами карандаша набрасывает пейзаж с птицами: вот, кому воля; небось, их не поймали бы на полтавской дороге, по которой он пробивался в Валахию добывать трон. Нет же, его догнали, поймали, как щенка, приволокли и отцу сдали. А с вольностью птиц в этих местах может сравниться вольность только одного человека: Григория Сковороды, сего малоросского Сократа, не уловившегося в рамки формации своего времени. Да и для мудреца любые, даже самые почетные, рамки не что иное, как прокрустово ложе и утрата вольности. *Мир ловил его, да не поймал.* Исходил Сковорода с дорожным посохом в руке вдоль и поперек эту землю, от славянского Святогорья до матери – или отца? – городов русских, Киева, а

*Земля, по которой ступала
Босая нога святого, -
Благоуханней фиалок
И приют Бога.*

На рисунок своего вундеркинда смотрит через плечо отец, Илья Иванович, голубоглазый барин со светло-русыми волнистыми волосами, хмурится, сдерживает вздох. Он ездил на станцию в Купянск забирать беглого отпрыска, вздумавшего повоевать. Мир ловил его и поймал... Романтика – удел молодых, но куда ему воевать? Правая нога у мальчишки короче левой, да и душа непонятно в чем держится. А туда же, в байронизм: умирать за свободу. Впрочем, Байрон тоже был хромоножка.

– Ну, ответь мне, Лева, зачем ты это сделал?

Парнишка вспыхнул до корней волос:

– Вы же сами рассказывали, папенька, о наших правах на румынский престол! Кто-то же из нас должен ими воспользоваться! А я, о-о! я знаю, как навести порядок на земле. Только бы меня все слушались. А для этого нужно быть государем!

Илья Иванович покачал головой:

– Да, вот он, голос предков. Ты – второй Николай Спафарь, – добавил он с иронией. – Или Николай Спафарь II.

– Какой второй!? – взвился непокорный отпрыск. – Я сам по себе! И никакой не второй. Я у себя первый и единственный! Государь – спафарь – пахарь. Только вот отчего у греческого «спафарь» чисто русский суффикс – арь?!

– Да, да, сам, – не стал спорить с ним и углубляться в дебри мудрый родитель. – Все ты сам, и не было теста, из которого тебя испекли. Сам испекся, – и замолчал до конца пути.

Илья Иванович, отставной военный и хозяин сёл Ивановка и Панасовка, был живой легендой. Он принадлежал к древнему, по некоторым источникам румынскому, на самом же деле молдавскому роду. В хронике молдавского летописца Ивана Никулеса говорится о Николае Спотаре Милешту, которого помнит культура Молдавии, Греции и немножко России и Китая.

Родился он в Молдове в 1625 году, науки постигал в бывшей столице Византии, из языков изучал греческий, турецкий и разные древние, а еще богословие (теологию), историю и философию. Затем отправился в Италию, где посвятил себя точным и естественным наукам. Вернулся на родину уже солидным ученым и занял место не где-нибудь, а при дворе ее господаря. Господари, однако, сменяли один другого, а мудрец оставался незаменимым на протяжении многих лет. Пока его не втянули в придворно-политические интриги³, стоившие ему кончика носа, который отрубили, вероятно, в знак того, чтобы не совал свой нос в чужие дела. Какой урок философу и мудрецу! После этого он был вынужден скрываться в Германии, но долго не выдерживает без милой Молдовы, вернулся, но тут его не ждали. Оскорбленному чувству находится уголок в сколь огромной, столь великодушной России. Потом Николая Милешту, человека обширной космополитической культуры, берут в дипломатическое представительство при царе Алексее Михайловиче на должность драгомана – толмача, переводчика. Примерно к тому периоду относится упоминание А. Н. Афанасьева о Спафари в «Поэтических воззрениях славян на природу», немного-немало, как в «Процессах о колдунах и ведьмах». Речь идёт об осуждениях по навету на боярина Артамона Сергеича Матвеева, любимца тогда уже покойного государя Федора Алексеевича. «Враги не могли придумать лучшего средства для отдаления Матвеева и правительства, как обвинив его в чародействе. Это тем легче было исполнить, что боярин Артамон Сергеич любил сблизиться с иноземцами и ценил научные знания; десятилетний сын его, Андрей, учился языкам греческому и латинскому под руководством переводчика посольского приказа Спафари; а в тот век достаточно было иметь при себе какую-нибудь иностранную книгу и медицинские пособия, чтобы возбудить подозрения в волшебстве». Весёленькая была атмосфера, в которой жили и работали учёные и жаждущие знаний вольные исследователи. «Вследствие подговора Давыдко Берлов, лекарь, и Карло Захарка, проживавший в доме Матвеева, донесли на него, будто он вместе с доктором Стефаном и переводчиком Спафари, запершись в палате, читали черную книгу, и в то время явилось к ним множество духов. По этому доносу Матвеев был сослан в Пустозерский острог; боярство у него отнято, а имения отобраны в казну». Вероятно, дабы отвести беду от других подозреваемых по оговору, "Князь Василий Васильевич Голицын послал в Китай с некой миссией переводчика Спафария, – как гласит "История Российской почты. 300 лет Московскому почтамту" А. В. Гудзь-Маркова. – После двух лет странствий по просторам Сибири Спафарий возвратился в Москву и уверил Голицына в том, что в Сибири можно строить дорогу, подобную большим

³ Молдавского князю Стефаниту «Спотарь оказал ряд очень важных услуг, был им обласкан и вознесен, но потом ему изменил. Послал в подарок польскому королю дорогую позолоченную трость, инкрустированную драгоценными камнями, а в нее вложил секретную записку: могу свергнуть молдавского князя, трон отдать тебе. У польского короля были другие планы, записку он переслал Стефаниту. Князь до глубины души возмущен изменой своего сатрапа и решил покарать его самой суровой казнью. Но во уважение прежних заслуг, отрубать голову Спотарю не стал, а велел отрубить ему только... нос! После чего изменника изгнали из страны». С Резник. «Этак короткая жизнь. Николай Вавилов и его время».

дорогам Европейской России. И могущественный в правление царевны Софьи кн. Голицын предпринял меры к обустройству сибирской дороги от Москвы к Tobольску"⁴

⁴ Гудзь-Марков А.В. "История Российской почты. 300 лет Московскому почтамту. 1711-2011", изд. "Граница", Москва, 2011, С. 108

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.